

АЛЕКСАНДР ЗАКУСИЛО

НЕВА

ЛЕТО 6748

Александр Закусило

Нева. Лето 6748

«Автор»

2026

Закусило А.

Нева. Лето 6748 / А. Закусило — «Автор», 2026

Лето 6748 года от сотворения мира. В предрассветном тумане ижорский старейшина Пелгусий замечает чужие корабли, поднимающиеся по Неве. На их бортах — воины, кони и оружие. Они пришли не торговать. Пока Новгород спорит, кому принадлежит право решать судьбу города, молодой князь Александр Ярославич понимает: времени на сбор большого войска нет. Если дать неприятелю укрепиться у впадения Ижоры, дорога к Ладоге и Новгороду окажется открыта. Князю предстоит выступить с малой дружиной и принять бой, исход которого никто не способен предсказать. Рядом с ним пойдут те, чьи имена сохранит летопись, и те, о ком история не скажет ни слова. Дружинники, ладожане, ижорские дозорные, новгородские ремесленники — люди, которым придётся преодолеть страх, сделать свой выбор и заплатить за победу. «Нева. Лето 6748» — исторический роман о рождении легенды, цене воинской славы и памяти, которая иногда оказывается долговечнее человеческой жизни.

© Закусило А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие автора	5
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
ГЛАВА 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Закусило

Нева. Лето 6748

*Победа остаётся в летописи одним
словом.*

*Всё остальное — страх, кровь,
выбор и имена — хранит река.*

Александр Закусило

Предисловие автора

Эта книга родилась из нескольких строк древней летописи.

Летом 6748 года от сотворения мира, которое мы называем 1240 годом, к берегам Невы пришли чужие корабли. Навстречу им выступил молодой новгородский князь Александр Ярославич. Ему было немногим больше двадцати лет. У него ещё не было прозвища, с которым он войдёт в историю. Не было славы великого полководца, церковного почитания и бронзовой неподвижности памятника. Был человек, перед которым лежали холодная река, сильный противник и решение, на принятие которого оставалось совсем мало времени.

Летопись сохранила исход битвы, несколько имён и отдельные подвиги. Но она почти ничего не рассказала о том, что чувствовали люди накануне сражения. О чём они думали, седлая коней. Чего боялись, прощаясь с близкими. Что говорили друг другу у ночного костра. Как выглядело поле после того, как смолкли мечи. И какую цену заплатили те, чьи имена не попали на страницы истории.

Там, где заканчивается летописная строка, начинается пространство художественного вымысла.

«Нева. Лето 6748» — исторический роман, основанный на реальных событиях, но не претендующий на роль научного исследования или точной хроники каждого часа. В книге действуют исторические лица, упомянутые в источниках, рядом с ними живут вымышленные герои. Некоторые разговоры, характеры, личные отношения и обстоятельства созданы воображением автора. Однако главные события, место сражения, его исход и сохранившиеся имена участников принадлежат истории.

Мне хотелось увидеть людей XIII века не безмолвными фигурами на старинной миниатюре, а живыми. Они могли ошибаться, спорить, шутить, уставать, сомневаться и бояться. Мужество не означает отсутствия страха. Иногда мужество — это всего лишь следующий шаг, сделанный человеком в тот миг, когда остановиться было бы легче.

Невская битва стала первой большой победой молодого князя, но эта книга не только о нём. Она о дружинниках, ладожанах, новгородцах, ижорских дозорных и простых людях, оказавшихся рядом с великой историей. О тех, кто держал щит, выводил раненых, хоронил погибших, ждал возвращения близких и сохранял их имена. Победа никогда не принадлежит одному человеку, даже если потомки называют её именем князя.

Особое место в романе занимает сама Нева. Она здесь не просто место действия. Река соединяет земли и людей, ведёт корабли, приносит опасность и уносит память. Она безразлична к человеческой славе, но остаётся, когда исчезают шатры, зарастают следы на берегу и смолкают голоса участников битвы. Возможно, поэтому вода помнит больше, чем летописи.

Мне хотелось написать историю не о далёком и недостижимом прошлом, а о выборе, который человеку приходится совершать во все времена: отступить или остаться, промолчать или предупредить, сохранить себя или встать рядом с другими.

Если после последней страницы князь Александр и люди, шедшие вместе с ним к Неве, станут для читателя не только именами из учебника, значит, эта книга была написана не напрасно.

Александр Закусило

ПРОЛОГ

Паруса в тумане

Туман пришёл с моря ещё ночью.

Он лёг на воду низко и плотно, укрыл дальний берег, проглотил острова и оставил от великой реки лишь узкую свинцовую полосу. Даже чайки, обычно крикливые перед рассветом, теперь подавали голос редко и будто неохотно. Их крик рождался где-то в белой пустоте, некоторое время плыл над водой, а затем исчезал, не находя берега.

Пелгусий сидел под старой ольхой, прислонившись спиной к влажному стволу, и слушал Неву.

Глаз в таком тумане было мало. Уши служили вернее.

Река дышала ровно. У корней плескалась мелкая волна. В камышах возился какой-то ночной зверёк, а чуть дальше по течению потрескивали сучья в маленьком дозорном костре. Всё было привычно. Так привычно, что иной человек успокоился бы, завернулся в плащ и задремал до первых лучей солнца.

Пелгусий не спал.

Он родился на этих берегах и прожил здесь столько лет, что давно перестал считать весны. Знал, где вода внезапно делается глубокой, где под светлой рябью прячется каменная гряда, где можно провести тяжёлую ладью и где сядет на мель даже лёгкий рыбацкий челнок. Знал голос ветра в соснах, крик потревоженной утки и осторожный всплеск весла, которое гребец старается опускать без шума.

Поэтому, когда из тумана донёсся долгий глухой удар, Пелгусий поднял голову.

Он не шевелился, ожидая повторения.

Удар пришёл снова.

Не гром. Не рухнувшее дерево. Не волна, бросившая льдину на берег, — в июле льду взыться было неоткуда.

Дерево ударилось о дерево.

Пелгусий медленно положил ладонь на плечо спавшего рядом молодого дозорного. Тот вздрогнул, потянулся к ножу, но старейшина прижал палец к губам.

— Слушай.

Юноша замер.

Сначала он слышал только реку. Потом откуда-то со стороны залива донёсся плеск — тяжёлый, размеренный, повторяющийся через равные промежутки.

Разом входило в воду много вёсел.

— Наши? — едва слышно спросил дозорный.

Пелгусий покачал головой.

Свои не пошли бы ночью незнакомым фарватером. Свои знали бы, что в тумане у северного рукава легко напороться на камни. И свои, завидев дозорный огонь, уже окликнули бы берег.

Он поднялся, поправил ремень короткого меча и ногой разбросал головни. Второй дозорный, дремавший у костра, проснулся без слов. Мужчины затоптали красные угли, забросали их сырой землёй и один за другим растворились в зарослях.

Светало медленно. Небо над лесом сделалось серым, но туман не отступал. Пелгусий вывел людей к длинному мысу, поросшему низким ивняком, и лёг у самой воды. Холодная роса сразу пропитала рукава. Он раздвинул ветви.

Сначала из белизны возникло не судно, а тень.

Она двигалась против течения — высокая, бесшумная, похожая на стену, которой не могло быть посреди реки. Затем Пелгусий различил выгнутый нос, мокрые щиты вдоль борта и тёмные головы гребцов. Над мачтой висел убранный парус. На носу стоял человек в железном шлеме и смотрел вперёд, пытаясь разглядеть берег.

За первым кораблём шёл второй.

Потом третий.

Туман выпускал их по одному, словно море порождало деревянных чудовищ и посылало в глубь новгородской земли. Где-то дальше скрипели уключины, покашливали люди, звучали короткие незнакомые слова. Временами ветер доносил запах смолы, мокрой шерсти и множества тел, теснившихся на судах.

Дозорный рядом с Пелгусием перекрестился.

— Сvei.

Старейшина ничего не ответил. Он и сам уже увидел знаки на щитах и длинное полотнище с крестом, свисавшее с одной из мачт. На корме того корабля под навесом стояли люди в светлых одеждах. Один держал высокий посох. Рядом блестели шлемы и кольчуги воинов, которые не сидели за вёслами.

Это были не купцы.

Купеческие суда шли тяжело, глубоко садились в воду, берегли парус и товар. Эти корабли были быстрыми и узкими. На них везли лошадей, связки копий, щиты, свёрнутые шатры и людей, которым предстояло сойти на чужой берег.

Пелгусий начал считать суда, но вскоре оставил это занятие. Пока он следил за одним, из тумана появлялись ещё два. И за ними слышались новые вёсла.

Молодой дозорный беспокойно посмотрел в сторону леса.

— Надобно уходить.

— Тебе — надобно, — сказал Пелгусий.

— А ты?

— Мне надобно узнать, куда они идут.

Юноша хотел возразить, но старейшина посмотрел на него, и слова остались невысказанными.

— Беги к лошадям. Возьмёшь гнедого, он выносливее. Скажешь в селении, чтобы уводили женщин, детей и скот подальше от воды. Пусть зажгут дальний огонь. Один — если чужие повернут обратно к морю. Два — если станут у Невы. Три — если пойдут к Ладоге.

— А князю кто скажет?

— Ты.

Дозорный побледнел.

До Новгорода лежал долгий путь — через леса, топи, броды и земли, где ночью легко было свернуть не на ту тропу. Даже при добром коне гонец не мог знать, встретит ли рассвет следующего дня живым.

— Я один не дойду.

— Один, может, и не дойдёшь. Поэтому из селения пошлют второго. От Ладоги — третьего. Кто-нибудь да доберётся.

Пелгусий снял с шеи небольшой крест на потемневшем ремешке. Когда-то, принимая крещение, он получил имя Филипп, но люди у Невы по-прежнему звали его старым именем. Крест был простой, медный, потёртый. Старейшина протянул его юноше.

— Покажешь княжеским людям. Скажешь: Пелгусий видел сам. Кораблей много. На них сvei и иные люди. Есть воины и служители латинской веры. Идут не торговать.

Юноша взял крест, сжал в кулаке.

— Что им нужно?

Пелгусий снова посмотрел на реку.

Чужие суда продолжали подниматься против течения. Они шли медленно, ощупывая туман, но шли уверенно. Где-то впереди были Ижора, Ладога, Волхов и Новгород. Вся водная дорога лежала перед ними, как распушенный ремень: перережь его в одном месте — и дальние земли окажутся оторваны от моря.

— Скоро узнаем, — ответил он. — Ступай.

Дозорный пополз назад, стараясь не задеть ветвей. Через несколько мгновений лес поглотил его.

Пелгусий остался с двумя мужчинами. Они лежали молча, пока последний корабль не скрылся вверх по течению и плеск вёсел не стал тише. Лишь тогда старейшина позволил себе подняться.

— Пойдём следом, — сказал он.

— По берегу они нас заметят.

— Потому пойдём лесом.

— А если высадутся?

Пелгусий застегнул плащ у горла.

— Тогда увидим, сколько их и где поставят стан.

Они двинулись через сырой лес, держась невядалеке от реки. Июльская земля пружинила под ногами, корни прятались в мокром мху, ветви хлестали по лицу. Дозорные не разговаривали. Время от времени Пелгусий останавливался, опускался на колено и слушал.

Флот был рядом.

За деревьями слышались команды, скрип вёсел и редкий лязг железа. Однажды над рекой протрубил рог — низко и протяжно. Ему ответил другой, дальше по течению. Чужое войско растянулось на значительное расстояние, и корабли переговаривались между собой, чтобы не потеряться в тумане.

Пелгусий ускорил шаг.

Он думал о людях в прибрежных селениях. О рыбаках, чьи челны чужеземцы могли захватить прежде, чем те узнают об опасности. О ладожанах, которые привыкли встречать на воде купцов, а не ратников. О Новгороде, далёком и шумном, где вечевые споры могли длиться дольше, чем врагу требовалось, чтобы подняться по реке.

И ещё он думал о молодом князе.

Пелгусий видел Александра Ярославича всего несколько раз. Высокий, широкоплечий, слишком молодой для той тяжести, которую носил во взляде. Говорил князь негромко, слушал внимательно, но в молчании его чувствовалась та гордость, какую новгородские бояре не любили в призванных князьях. Они желали иметь меч, который можно снять со стены в час опасности, а после вернуть на место. Только княжеский меч имел собственную руку.

Прислушается ли Александр к вести ижорского старейшины? Решится ли выступить, не собрав всей силы? Пошлёт ли сначала к отцу за помощью?

Пелгусий не знал.

Он знал другое: если чужие займут Ладогу, поздно будет спорить, сколько людей следовало собрать.

К полудню туман начал редеть. Между стволами блеснула широкая вода, и дозорные увидели, что первые суда уже достигли устья Ижоры. Здесь течение позволяло пристать к берегу, а сухое возвышение среди низин подходило для стана.

Чужеземцы опускали сходни.

По ним на землю сходили воины. Одни несли круглые щиты и копыа, другие — сундуки, мешки, связки кольев. Несколько человек повели под уздцы испуганных лошадей. Животные оступались на досках, били копытами и храпели, почуяв незнакомый берег. Над лагерем подняли крест, затем длинное знамя. Послышалось пение — ровное, торжественное, чужое.

Один из дозорных наклонился к Пелгусию.

— Молятся.

— Пусть молятся, — ответил старейшина. — Значит, не смотрят в лес.

Он следил, как ставят шатры. Самый большой, с ярким верхом, подняли в середине будущего лагеря. Вокруг него расположились хорошо вооружённые люди. Ближе к воде складывали припасы, вытаскивали бочки, привязывали суда. Отдельные отряды расходились вдоль берега, осматривали место и ставили стражу.

Пелгусий считал не корабли — теперь он считал время.

Пока чужеземцы выгружались, они были уязвимы. Но с каждым вбитым колом, с каждым выставленным щитом и разведённым костром стан делался крепче. Ещё день — и дозоры уйдут дальше от лагеря. Ещё два — и появятся завалы, ров или частокол. А затем часть войска сможет двинуться к Ладоге.

Если гонец не потеряет коня, весть дойдёт до русских быстро. Но быстро — не значит вовремя.

— Возвращайся к нашим, — велел Пелгусий старшему из спутников. — Скажи: два огня. Чужие стали у Ижоры. Пусть никто не показывается у воды. Ладьи спрятать в протоках. Людей собрать в лесу.

— Ты снова останешься?

— До ночи.

— У них уже стража.

— Потому и останусь. Надобно знать, куда она смотрит.

Мужчина нахмурился, но спорить не стал. Вскоре и он исчез среди деревьев.

С Пелгусием остался один дозорный — старый охотник с седой бородой. Они выбрали место в густом ельнике, откуда был виден берег, и затаились.

День тянулся медленно. Туман поднялся, обнажив широкую Неву и множество чужих судов. В лагере звенело железо, ржали кони, перекликались люди. Несколько отрядов ушли вверх по Ижоре. Другие обследовали берег Невы. Один раз трое воинов приблизились к ельнику так близко, что Пелгусий увидел капли пота на лице переднего. Дозорные лежали, не дыша. Чужеземец остановился, посмотрел в темноту под ветвями, но товарищ окликнул его, и все трое повернули назад.

Солнце поднялось высоко. Вода засияла, будто никакой опасности не было.

На другом берегу показался тонкий столб дыма.

Потом рядом поднялся второй.

Весть принята.

Теперь от Пелгусия ничего не зависело. Где-то далеко конские копыта уже били по лесной дороге. Гонец вёз в Новгород простой медный крест и несколько коротких слов, от которых могла измениться судьба всей земли.

«Кораблей много. Идут не торговать».

Старейшина закрыл глаза и впервые с ночи позволил себе глубоко вдохнуть.

— Успеет ли? — спросил седой охотник.

Пелгусий посмотрел туда, где за лесами, болотами и реками стоял Великий Новгород.

— Теперь это зависит не от него.

В чужом стане ударил колокол. Люди собрались у поднятого креста, и над Ижорой вновь зазвучало незнакомое пение.

На далёкой дороге гнедой конь нёс гонца на восток.

А князь Александр Ярославич ещё не знал, что утренний туман уже отделил его прежнюю жизнь от той, которая останется в памяти потомков.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Город вольных людей

ГЛАВА 1

Князь без прозвища

Александр не любил проигрывать даже тогда, когда копьё были тупыми.

Он отступил на два шага, пропуская удар Ратмира мимо груди, перехватил древко обеими руками и сразу пошёл вперёд. Песок под сапогами брызнул в стороны. Ратмир успел развернуть копьё, но князь уже оказался слишком близко. Плечо ударило в плечо, дерево сухотреснуло, и через мгновение Ратмир лежал на земле, глядя в ясное июльское небо.

Над двором раздался смех.

— Не ушибся? — спросил Александр.

— Только достоинство, княже.

— Его у тебя много. На один ушиб хватит.

Александр протянул руку. Ратмир ухватился за неё, поднялся и отряхнул рубаху. Он был на несколько лет старше князя, ниже ростом, зато шире в груди. В настоящем бою Ратмир предпочитал меч, а копьё брал неохотно. И каждый раз Александр заставлял его упражняться именно с копьём.

— Опять на ноги мои смотрел, — сказал князь.

— На копьё.

— Копьё без рук не ударит, а руки прежде плечо выдаёт. Гляди человеку в лицо. Он раньше оружия скажет, куда бить собирается.

— У тебя лицо ничего не говорит.

— Значит, учись лучше.

С крыльца княжеского дома донёсся негромкий голос:

— Если Ратмир научится смотреть людям в лицо, половина девушек на Торговой стороне останется без сна.

Гаврило Олексич спустился во двор, на ходу застёгивая пояс. В отличие от молодых, он вышел на утреннее упражнение в кольчуге. Железные кольца тихо звенели при каждом шаге. На правой щеке Гаврилы белел старый шрам, уходивший к уху. Сам он говорил, что получил его от литовского меча. Ратмир утверждал, будто шрам оставила разгневанная жена. Гаврило не опровергал ни того ни другого.

— Слышала бы тебя Марьяна, — сказал Ратмир.

— Она и без меня знает, на кого собирается потратить жизнь.

— Не потратить, а разделить.

— Это она тебе так сказала?

— Нет. Это я сам понимаю.

— Тогда ещё не всё потеряно.

Александр поднял упавшее копьё и провёл ладонью по гладкому древку. Разговор дружинников звучал легко, но князь заметил, что Гаврило опять не выспался. Под глазами залегли тёмные круги, на сапогах засохла дорожная грязь.

— Когда вернулся? — спросил Александр.

— Перед первым колоколом.

— Что в городе?

— Купцы ругаются, ремесленники торгуются, бояре уверяют, что всё держится только на них. Стало быть, Новгород здоров.

— Я спрашиваю о людях с запада.

Улыбка исчезла с лица Гаврилы.

— Слухов много. Верных вестей мало. Из Ладоги пришли два ушкуйника. Говорят, видели у корельских берегов незнакомые паруса. Не близко, разглядеть не могли. Может, свеи. Может, купеческие суда.

— Может, ветер над водой, — вставил Ратмир.

— Ветер не носит щитов вдоль бортов.

Александр посмотрел на Волхов.

Княжеское Городище стояло в стороне от Великого Новгорода, там, где река вытекала из Ильменя и начинала свой путь к Ладоге. За частоколом теснились хозяйственные постройки, конюшни, дома дружинников. Над деревянными крышами поднималась церковь Благовещения. Дальше, вниз по реке, лежал город — богатый, многолюдный, своевольный. Утреннее солнце горело на куполе Святой Софии, и даже отсюда над водой доносился колокольный звон.

Город был близко. Власть над ним — всегда далеко.

Новгородцы сами призывали князей и сами указывали им дорогу прочь. Князь судил, водил полки, охранял торговые пути, но не мог считать город своим. Здесь каждое решение имело столько хозяев, сколько боярских дворов стояло по обе стороны Волхова. Посадник говорил от имени города. Владыка — от имени церкви. Вече — от имени всех, хотя на площади громче других кричали те, у кого было больше людей и серебра.

Александр прожил среди этого порядка достаточно долго, чтобы перестать удивляться. Но привыкнуть не смог.

— Пелгусий знает? — спросил он.

— Ему передали ещё неделю назад, — ответил Гаврило. — Морская стража смотрит залив и устья. Если чужие войдут в Неву, ижора увидит.

— Если успеет увидеть раньше, чем увидят его.

— Пелгусий старый лис.

— Старых лисов тоже ловят.

Ратмир поднял своё копьё.

— Прикажешь снаряжаться?

— Куда?

— Туда, где щиты вдоль бортов.

— Слух — плохой проводник для войска. Сначала надо знать, чей парус, сколько судов и куда они идут.

— Сам же говоришь, что ждать опасно.

Александр посмотрел на него внимательнее.

— Я говорю, что опасно быть слепым. Это не одно и то же.

Ратмир кивнул, но князь видел: ответ его не успокоил.

Он и сам не был спокоен.

Последние два года научили Александра не отмахиваться от дурных слухов. Сначала на востоке тоже говорили о далёких всадниках, которые появлялись внезапно и исчезали за горизонтом. Потом пришли беженцы. За ними — вести о сожжённых городах. Рязань, Владимир, Суздаль, Торжок. Названия падали одно за другим, будто кто-то зачитывал поминальный список Русской земли.

До Новгорода войско Батыя не дошло. Одни благодарили весеннюю распутицу, другие — Святую Софию, третьи уверяли, что враги сами повернули к югу. Александр не спорил ни с кем. Он только помнил людей из Торжка: почерневшие лица, обожжённые руки, пустые глаза тех, кто уже не мог рассказать, кого потерял.

После этого любое сообщение о чужих отрядах переставало быть просто слухом.

Во двор въехали трое всадников. Впереди на тяжёлом вороном коне сидел посадник Степан Твердиславич. Его сопровождали двое боярских слуг. Степан спешился медленно, передал повод и оглядел дружинников, будто сразу подсчитал, кто находится во дворе и чем занят.

— Рано поднялся, княже, — произнёс он вместо приветствия.

— Поздно ложусь.

— Молодым сна надобно больше.

— Земля вокруг нас старше, а спит ещё меньше.

Посадник усмехнулся.

Степан Твердиславич занимал посадничью степень почти десять лет и пережил столько новгородских раздоров, что давно научился отвечать на колкость первой мыслью. Он говорил неторопливо, слушал долго, а решения принимал так, чтобы противник замечал их лишь тогда, когда уже ничего нельзя было изменить. Александр уважал его ум и не доверял его молчанию.

— Хотел послать за тобой, — сказал князь.

— Потому я приехал прежде, чем ты послал.

— Откуда знал?

— Если Гаврило ночью расспрашивает ладожан, утром ты захочешь говорить со мной.

Гаврило развёл руками.

— В Новгороде тайна живёт короче мотылька.

— Особенно если ищет её посреди торгова, — заметил посадник.

Александр вернул учебное копье отроку и указал Степану на крыльцо.

— Поговорим в доме.

— Лучше здесь. На воздухе слова не так долго держатся у стен.

Дружинники отошли, но не слишком далеко. Посадник проводил их взглядом.

— Слышал о парусах? — спросил Александр.

— Слышал о людях, которые слышали о парусах.

— Гаврило говорит, на судах были щиты.

— Гаврило видел?

— Нет.

— Тогда пока у нас есть только чужой страх, пересказанный трижды.

— Страх иногда видит дальше разума.

— А иногда заставляет город созвать ополчение против рыбаков.

Александр подошёл к краю двора. За частоколом Волхов сиял под солнцем. По реке шли лодки с рыбой, брёвнами, глиняной посудой. На дальнем берегу женщины полоскали холсты. Обычное утро. Ни один человек ещё не бежал к воротам, не звонили тревожные колокола, не закрывались торговые ряды.

— Я хочу удвоить стражу на дороге к Ладоге, — сказал князь. — И приготовить коней для гонцов.

— Готовь. Это твоё дело.

— Новгородские отряды должны знать места сбора.

Степан помолчал.

— А вот это уже дело города.

— Когда враг войдёт в Неву, у нас не будет времени спрашивать каждый конец, желает ли он защищаться.

— Ты ещё не знаешь, что враг вошёл в Неву.

— Потому и говорю сейчас, пока он, может быть, не вошёл.

Посадник вздохнул.

— Люди только закончили укрепления по Шелони. Купцы требуют охраны на южных дорогах. Псковичи снова присылают тревожные вести. Если сегодня объявить сбор из-за каждого паруса в заливе, завтра на настоящий зов никто не придёт.

— Если не объявить ничего, завтра звать будет некому.

Их взгляды встретились.

Степан не боялся молодого князя. Это Александр понял давно. Посадник видел перед собой не будущего героя и не защитника всей Руси, а девятнадцатилетнего сына сильного отца, которого город призвал для определённой службы. Новгородцы ещё помнили Ярослава Всеволодовича: его победы, его гнев и голод, которым некогда обернулась ссора князя с городом. Для одних сын был продолжением отцовской силы. Для других — продолжением отцовской опасности.

— Ты хочешь, чтобы я разрешил сбор? — спросил Степан.

— Я хочу, чтобы ты не мешал ему, когда он понадобится.

— Это разные вещи.

— Потому и говорю с тобой, а не приказываю.

Посадник едва заметно улыбнулся.

— Учишься.

— Быстро.

— Все князья так думают.

Степан прошёлся вдоль частокола, заложив руки за спину.

— Хорошо. Я предупрежу старост концов, чтобы держали людей поблизости. Без вёсего звона, без крика на торгу и без слов о войне. Если придёт верная весть, соберёмся у Софии.

— И не станем спорить до ночи?

— Станем. Мы же новгородцы.

— Тогда начнём спорить сейчас и сбережём время.

На этот раз посадник рассмеялся.

Напряжение ослабло, но не исчезло. Александр знал: Степан согласился не потому, что поверил слухам. Он просто решил, что осторожная подготовка обойдётся дешевле открытого спора с князем.

Из дома вышла княгиня Александра.

Она остановилась на верхней ступени, ожидая, пока мужчины заметят её. Тёмные волосы были убраны под лёгкое покрывало. После прохладных палат утренний свет заставил её прищуриться.

Степан поклонился.

— Княгиня.

— Посадник. Ты приехал так рано, что я подумала: либо случилась беда, либо Новгород впервые решил соглашаться с моим мужем.

— Второе было бы большей бедой.

— Значит, всё спокойно.

Александр взглянул на жену. Они обвенчались меньше года назад. Свадебную кашу давали сначала в Торопце, потом в Новгороде, и каждое застолье было не только семейным праздником, но и союзом земель, родов, интересов. Он знал Александру ещё недостаточно, чтобы угадывать все её мысли, но уже понял: она умела задавать лёгким голосом вопросы, на которые нельзя было ответить легко.

— Пока спокойно, — сказал он.

— Это княжеское «пока» или мужнино?

— Сегодня они говорят одним голосом.

Она посмотрела на Гаврилу, затем на сломанное учебное копье и грязь на плаще посадника.

— Тогда велю не убирать завтрак.

— Степан останется с нами.

— Не останется, — ответил посадник. — Если князь прав, мне надобно быть в городе. Если ошибается — тем более. Иначе к полудню на торгу расскажут, что мы здесь делим Новгород.

— А разве не делите? — спросила княгиня.

— Новгород нельзя разделить. Каждый кусок всё равно будет считать себя целым городом.

Посадник снова поклонился и направился к коню.

Александр смотрел ему вслед.

— Он тебе нравится, — тихо сказала княгиня.

— Именно поэтому я ему не доверяю.

— Станный обычай.

— Княжеский.

— Нет. Мужской.

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.